

Манипулирование общественным сознанием в информационном обществе

Манипулирование сознанием людей – одна из наиболее серьезных и широко обсуждаемых проблем нашего времени. Ее острота пропорциональна разрушительным последствиям манипулятивных технологий в обществе, проявляющихся в деструкции принятых моральных норм, трансформации ценностей и идеалов, распространении насилия, жестокости и пр. Проблема находится в поле зрения разных областей знания (этики, политики, культурологии, социологии, психологии и т. д.), поэтому так широк спектр рассмотрения различных ее аспектов: от товарного фетишизма до психологии внушения, от особенностей воздействия на людей массовой культуры до применения социально-информационных технологий как средств манипуляции общественным мнением.

Говоря о феномене манипулирования многие отечественные и зарубежные исследователи [2, 4, 5, 6, 9, 10] понимают под ним скрытое психологическое воздействие отправителя сообщения на получателя с целью изменения его поведения и намерений. Поскольку получатель часто даже не догадывается о таком воздействии, его поведение зачастую не совпадает с собственными желаниями.

Однако процесс манипулирования сложен и не может быть оценен в рамках дихотомии «хорошо – плохо». С точки зрения психолога, «манипуляция – это искусственный процесс создания субъектом иллюзий об окружающей действительности (или о себе), воспринимаемых как другими субъектами, так и самим производителем иллюзий» [3]. Из этого следует, что манипуляция – атрибут каждой личности, а личность склонна к самообману и заблуждениям, на которых отчасти строится структура личности.

Способность к конструированию позволяет человеку и в пограничных ситуациях оставаться личностью. Без этой способности он становится пассивным или агрессивным существом. Самоманипулирование – один из важнейших механизмов психической сохранности личности: пока она способна конструировать иллюзии и вводить себя в заблуждение, она владеет собственным жизненным миром. Манипулятивное заблуждение, как считают психологи, позволяет человеку выжить под давлением абсурдности своего бытия и подсознательных мыслей о смерти. Именно поэтому проблема манипулирования органично связана с проблемой становления личности. Однако далее речь пойдет не об этом, а о манипулировании как процессе направленного воздействия власти на общество, процесс, в котором центральное место принадлежит информации. Именно через ее обработку у человека складывается впечатление об окружающей действительности,

происходит процесс познания, формируется установка на восприятие. Именно приоритетный доступ к информации стремится получить суггестор в намерении воздействовать на объект манипуляции.

В настоящее время, которое называют эпохой информационного общества, коренным образом меняется статус информации, ее роль в социуме. Во-первых, современный социум становится насыщенным ею и проницаемым для нее, но, вместе с тем, и зависимым от нее. Во-вторых, информационное пространство каждого члена общества расширилось по сравнению с совсем недавним временем, а это влечет изменения в восприятии гражданами социальной действительности и их социальной активности на уровне изменения ментальных характеристик. В-третьих, разрабатывается новый управленческий инструментарий, основанный на использовании технологий сбора, аналитической обработки и распространения колоссальных объемов информации в режиме практически реального времени, вовлекающий в процесс обмена ею всех членов общества. Все это не может не отразиться на развитии технологий манипулирования.

Манипулирование в информационном обществе приобретает поистине глобальный масштаб. Разумеется, при этом универсальным фактором, инициирующим манипулирование, всегда была и остается потребность правящей элиты в дополнительных способах и источниках легитимизации своей власти или претензий на нее. Господствующие классы во все времена пытались выдавать свои интересы за всеобщие.

В тоталитарном обществе манипулирование применялось для внедрения в сознание людей жестких стереотипов, связанных с идеологическим контекстом «эпохи революционных становлений». Как известно, в тоталитарных обществах отсутствует конкуренция идеологий: неудобные насильственно «закрываются». А если нет такой конкуренции, то, следовательно, методы воздействия на общественное сознание могут быть более примитивными и грубыми.

В условиях демократии, где культурные стереотипы менее императивны, происходит своеобразная плюрализация ценностных ориентиров, что в конечном итоге ведет к большей лабильности общественного сознания. Соответственно власть должна действовать изощреннее, применяя технологии имиджбилдинга, нейтрализации конкурентов и т. п. Манипуляция приобретает скрытые формы, соответствуя принципу: «Если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, то я стану таким, каким ты хочешь меня видеть».

Нравственная оценка применения технологий манипулирования не однозначна. Есть те, кто считает, что манипуляции в известном смысле гуманнее открытого доминирования, подавления властью инакомыслия, так как они поднимают общение над

насилием [4]. Большинство авторов с этим не соглашаются, указывая на коварство манипуляции, видят в ней скрытую форму принуждения и разоблачают миф о нейтралитете государственных институтов, маскирующих свои истинные цели и сам факт своего заинтересованного воздействия по отношению к рядовым членам общества.

Изогранный характер манипулирования поддерживается обогащением технологического арсенала средств воздействия на общество. Социально-информационные технологии определяются как способы решения практических задач, включающие в себя систему познавательных процедур и практических действий, реализуемых с помощью компьютерных средств и направленных на изменение социальных объектов в соответствии с заданными целями и оптимизацией человеческих ресурсов в достижении конкретного результата. В последнее время много пишут о таких технологиях, как маркетинг, компьютерное моделирование, информационная аналитика, реклама, PR-технологии и т. д. Особое место среди них занимает мониторинг.

Под *мониторингом* понимается комплексный метод познавательной и предметно-практической деятельности, направленный на непрерывное слежение за состоянием объектов социокультурной среды по заранее заданным параметрам с целью анализа и контроля ее состояния. Это позволяет осуществлять эффективное управление ее объектами [8]. Именно на примере использования мониторинга хорошо прослеживаются возможности социоинформационных технологий как средств манипулирования сознанием членов общества.

Роль мониторинга как средства манипулятивного воздействия весьма коварна, поскольку эта технология претендует на объективное отражение действительности и этим привлекает людей, желающих получить информацию. Мониторинг позволяет многофакторно отражать социокультурную среду: ведь наблюдение за изменениями состояния объектов проводится по системе индикаторов, т. е. статистических, фактических или смысловых единичных показателей, характеризующих состояние и тенденции развития наблюдаемого объекта.

Мониторинг реализуется с помощью современной компьютерной техники, которая дает возможность не только обрабатывать и передавать огромные объемы информации на массовую аудиторию, преодолевая практически безграничные расстояния и временные барьеры. Он оказывает влияние и на процесс познания, заставляя человека мыслить категориями, отличными от обыденных. Мониторинг меняет взгляды человека на действительность, приводит к «машинизации» сознания. Использование этой технологии гарантирует высокое качество измерений, так как предполагается, что статистические показатели, характеризующие состояние объекта, снимаются непрерывно в течение всего

срока наблюдения. Именно таким образом исключается случайность. Собранные сведения проходят математическую обработку (обязательные процедуры ранжирования, корреляции и экстраполяции), обеспечивающую получение непротиворечивых данных, характеризующих исследуемый объект. Соответственно здесь налицо большое преимущество перед другими исследовательскими методами, основанными на количественных измерениях, которые в погоне за точностью измерения жертвуют факторами, не подлежащими четким формальным оценкам. В результате применения таких методов познавательный результат становится ничтожным. Мониторинг же позволяет зафиксировать появление не только типичного, но и специфического в характеристике объекта наблюдения. Более того, ему присуща функция прогнозирования, которая основывается на адекватном, надежном, всестороннем описании и относительно полном объяснении явлений социокультурной среды. Построение прогнозов всегда ценилось в социальном знании, поэтому появление инструмента, позволяющего предвидеть развитие социокультурной среды на научной основе, устанавливать тенденции изменения социокультурных объектов считается весьма важным достижением в области познания. Появляется возможность выявить социальную детерминацию в динамике объекта исследования вследствие упорядочения количественных характеристик отдельных индикаторов и, благодаря процедуре ранжирования, определения приоритетов в собранном массиве данных. С помощью процедуры корреляции мониторинговые исследования помогают установить причинно-следственные связи между собранными фактами.

Применение в мониторинге количественных методов создает возможность эмоциональной нейтральности. Это важно, так как в социальных науках познавательное отношение к действительности переплетается с оценочным к ней отношением. Использование мониторинга как формального метода открывает свободное от авторитетов, школ, идеологий и других факторов поле для исследования.

Перечисленные качества технологии мониторинга привлекают к ней потребителей в поиске точной, строгой, доказательной, обоснованной информации.

Мониторинговое исследование в первую очередь удовлетворяет познавательный интерес членов общества, желающих знать, как оно развивается и куда идет. Но не только: эмоциональные и рациональные мотивы обращения к этой технологии тесно переплетены. Большинство членов общества не анализируют предлагаемую им информацию; они ее чувствуют. Об этом писал один из основателей социальной психологии Густав Лебон: «Идеи не влияют на поведение, пока они не переведены на язык чувств».

На этом основании строятся *манипулятивные стратегии*. Желая воздействовать на общество, манипулятор будет не только изучать систему потребностей, интересов, форм их удовлетворения, имеющийся социальный опыт и систему ценностей различных социокультурных общностей, но и факторы, выражающие эмоциональное состояние различных слоев социума. Только адресно может быть достигнута положительная эмоциональная реакция, необходимая манипулятору, чтобы не только привлечь внимание общества к мониторинговому исследованию, но и заставить нужным образом воспринять его результаты.

Для этого используется ряд приемов, описанных психологами:

- *престижный эффект*, основанный на апелляции к эмоциям, связанным с удовлетворением от информации, которая прямо или косвенно поддерживает цели и ценности данной социальной группы;
- *утилитарный эффект*, основанный на апелляции к удовлетворенности информацией, необходимой при разрешении жизненных проблем;
- *познавательный эффект*, основанный на удовлетворении познавательного интереса;
- *эффект усиления позиций*, основанный на апелляции к удовлетворенности информацией, поддерживающей мнение реципиента по какому-либо спорному вопросу;
- *эмоциональный эффект*, основанный на эмоциональной разрядке воспринимающего информацию;
- *эффект комфорта*, основанный на возникновении психологического комфорта от восприятия информации;
- *тенденциозный подбор* иллюстративного материала с упором на «эффект драматизирующего воздействия»;
- *блистательная неопределенность* – прием, вызывающий эмоциональную реакцию у аудитории, основанный на апелляции к абстрактным понятиям;
- *«фургон с оркестром»* – прием, основанный на закреплении успеха при помощи пропагандистской кампании.

Выбор приема помогает манипулятору правильно разработать сценарий воздействия на общественное сознание при трактовке результатов проведенного исследования. Однако в самой процедуре мониторинга также заложены возможности для манипуляции. При этом, как отмечают исследователи, мониторинг имеет определенные преимущества по сравнению с другими методами сбора фактических сведений об объекте наблюдения. Эти преимущества можно охарактеризовать следующим образом:

- максимальная стандартизация процедуры сбора и обработки данных позволяет минимизировать субъективизм и повышает надежность и достоверность информации;
- слежение за объектом по заранее установленным индикаторам дает возможность комплексного представления о нем;
- непрерывный доступ к информации о состоянии объекта позволяет этому методу быть достаточно чувствительным к изменениям и представлять объект в динамике, отражая не только очевидные, но и латентные характеристики, которые не могут быть выявлены при проведении разовых замеров;
- информация об объекте поступает оперативно, что дает возможность своевременно принимать управленческие решения;
- информация носит систематический, а не случайный характер, так как все процедуры исследования и все его этапы связаны единой целью.

Все это вместе обеспечивает высокую степень доверия к мониторинговым данным и объясняет стремление ими обладать.

С другой стороны, очевидно, что социокультурная жизнь в целом и общественное мнение как ее составляющая не поддаются жесткой алгоритмизации, как этого требует мониторинговое исследование. Поэтому применение технологии мониторинга связано с потерей большого количества качественной информации. Исследователи отдают себе отчет в том, что стремление сократить эти потери за счет охвата большого массива данных и максимального использования формализованных методов при обработке данных приводит к построению весьма примитивной картины состояния общественного мнения, обычно имеющей ярко выраженный заказной характер. Это обстоятельство облегчает задачу манипуляторов, так как позволяет использовать данные мониторинга для подтверждения заранее заготовленной ими позиции (свершившихся действий или намерений властных структур). Популярность публикации результатов мониторинговых исследований в различных средствах массовой информации свидетельствует о правильности высказанного положения. Эти действия направлены на создание впечатления о том, что в государстве существует общественное мнение. И далеко не всем очевидно, что содержанием такого усредненного мнения могут быть только устойчивые стереотипы, а ориентиром в выборе содержания вербального высказывания или демонстративного поведения служат публикации в СМИ и выступления представителей власти, которые выражают официальные позиции. Так, опрос общественного мнения перестает быть мнением общества, а становится иллюстрацией конформизма в

исследуемой группе или общности. Реальное отношение данной группы к исследуемой проблеме может существенно противоречить официальному, но оно не озвучивается.

Не стоит забывать, что выполненное по одной и той же методике мониторинговое исследование, будет по результатам существенно отличаться из-за ряда факторов: места и времени проведения исследования; социальной группы, которая стала респондентом этого исследования. Учитывая влияние этих факторов на возможные результаты, манипуляторы планируют отбор и организацию информации.

Существенно на результаты мониторингового исследования влияет выбор оценочных и прогнозных индикаторов. Несмотря на формализованность процедуры на этапе выбора индикаторов можно в определенной степени повлиять на результаты. Например, учитывая ментальную склонность россиян к сакрализации вождя, лидера и бытующего в различных социально-культурных группах желания «твердой руки», «наведения порядка», а также, осознавая падение авторитета власти в целом, во многие исследования добавляются персонифицированные вопросы. Заведомо известно, что малый процент опрашиваемых положительно оценит действия правительства, но ситуация изменится, если ввести в опросный лист вопрос о поддержке какой-либо харизматической фигуры.

Итак, даже на этапе сбора данных об объекте наблюдения с помощью мониторинга возможно манипулирование информацией. Однако в более изощренном виде процесс манипулирования продолжается на этапе ее обработки и представления обществу.

Для обработки, оценки и предоставления общественности данных мониторингового исследования манипуляторы располагают целым арсеналом средств, помогающих вводить общество в заблуждение. К ним относится, например: дробление информации. Этот прием заключается в выдаче информации обществу «маленькими порциями». Такая подача информации затрудняет концептуальное восприятие процесса или явления в целом, что приводит к их непониманию и, как следствие, к снижению интереса к ним. Разновидностью дробления может быть чрезмерное обилие, информации, в неадекватных реалиях пропорциях, когда несущественные сведения маскируют нежелательную для власти истинную картину. Такой способ коммуникации подавляет индивидуальный выбор и дезориентирует человека. Этот прием применяется, когда концептуальное восприятие результатов мониторингового исследования может противоречить интересам власти.

Наиболее грубое воздействие на общественное сознание – замалчивание результатов мониторинга. В некоторых случаях, например, сокрытие результатов мониторинга состояния окружающей среды после техногенной катастрофы, как это было

после чернобыльских событий, такое манипулирование приводит к летальным последствиям.

Умалчивать можно не всю информацию, а лишь существенные детали, не выгодные манипулятору. Этот прием приводит к искажению представлений о действительности, нарушая систему координат, приводя к потере чувства реальности. Он основывается на том, что субъект воздействия мало знает о предмете, и ему самому приходится додумываться о системе связей и отношений в реальной ситуации. Использование приема «умолчания» дает возможность программировать поведение больших масс людей.

Манипуляторы умело используют закономерности массовой психологии. Например: одной из разновидностей приема умолчания, описанного в литературе, является «спираль умолчания». Смысл этого приема заключается в том, что с помощью ссылок на сфабрикованные опросы общественного мнения граждан убеждают в поддержке большинством общества угодной манипуляторам политической позиции. Такие опросы уже подразумевают определенные ответы, что заставляет людей, придерживающихся иных взглядов, из опасения оказаться в социально-психологической изоляции или в целях самозащиты не высказывать своего мнения или изменить его. Такое воздействие оказывает большое влияние на вынужденную адаптацию людей к предложенным условиям или на отчуждение, которые респонденты, как правило, скрывают в опросах за вариантами ответов «затрудняюсь ответить».

Бесспорно, что власть обладает и такой информацией, которая не должна разглашаться: когда речь идет о государственной безопасности (например, информация мониторинговых служб министерств обороны, внутренних дел и др.). Но в этом случае должны включаться регулятивные механизмы законодательства, четко обозначающие понятия государственной или коммерческой тайны. В любом случае власть не может бесконтрольно решать, какую информацию можно публиковать, а какую замалчивать. Гражданскому обществу необходимо разработать беспристрастные механизмы, защищающие личность от манипулятивного воздействия на сознание, а не уповать на этические нормы представителей власти. В гражданском обществе государство должно быть единственной структурой, находящейся под жестким контролем, так как свобода любого государства от контроля общества развращает власть и приводит ее к неуважению общества в целом и каждой личности в отдельности.

Возвращаясь к рассуждениям о манипулятивных возможностях использования мониторинга, следует остановиться на весьма распространенном приеме прямого комментирования результатов исследования. Комментарий обязательно опирается на

логические и оценочные основания, уже имеющиеся в сознании людей. Манипулятор, комментируя собранные факты, находит эти опоры, преобразуя их во мнения, взгляды на обсуждаемую проблему. Логические структуры, используемые для этого, чаще всего предельно просты и квалифицируют события с позиций «черное–белое», «добро–зло», что соответствует довольно низкому культурному уровню манипулируемых. Но они могут быть и более сложными и приближаться к адекватной оценке проблемы. Суть приема от этого не меняется: опора комментария на упрощенную логическую конструкцию не позволяет внушаемому оценить ситуацию во всей сложности реальных связей и отношений.

Большая достоверность и убедительность достигается использованием приема «игра цифрами и фактами» для создания видимости объективности и точности. Мониторинг как технология, основанная на сборе фактов и количественного их подтверждения, становится поистине «неисчерпаемым источником», питающим такого рода манипуляции: ведь любой факт или цифра, преподнесенная в соответствующем контексте, может диаметрально изменить смысл исследуемой ситуации.

Воздействовать на общественное информационное поле, в котором распространяются сведения, полученные в результате проведенного мониторингового исследования, помогает и преднамеренный обман – дезинформация. Дезинформация используется в качестве искусственно распускаемого слуха, соответствующего подсознательному желанию общества. Специалисты в области PR-технологий доказали, что влияние популярного дезинформационного сообщения не способна уменьшить даже объективная информация. Такой прием используется в выборных кампаниях при попытке скомпрометировать какого-либо политического деятеля. Причем, при определенных обстоятельствах некоторые элементы искусственных слухов находят вполне реальное подтверждение, в полной мере соответствуя подмеченному Кантом положению о том, что ложь страшна теми крупными правдами, которые в ней растворены. Частным случаем этого приема является клевета.

Для подтасовки результатов мониторингового исследования применяют и различные общеизвестные приемы, основанные на нарушении законов формальной логики:

- *ложная аналогия* – высказывание ложного умозаключения об объекте на основании сходства с другим объектом, причем в этом случае манипулятор часто опирается на «здравый смысл», за которым стоит некорректное представление фактов, непонимание сути явления или аксиомы, использованные не по назначению;

- *подмена причины следствием* применяется, когда объективно существующие связи в политике далеко не очевидны, однако обыденное сознание склонно упрощать картину сложного причинно-следственного взаимодействия. Например, внедрение в массовое сознание «образа врага» выдается за причину милитаризации экономики; на самом деле милитаризация экономики может быть причиной враждебного отношения соседних стран; этот прием основывается на архаической модели сознания, предполагающей, что «после – значит потому что»;
- *вывод без достаточного основания* – манипуляторы опускают некоторые посылки, стремясь к необходимым им для обмана умозаключениям;
- *подмена тезиса* – этот прием близок к приему вывода без достаточного основания; различие в том, что тезис уже является умозаключением;
- *тавтология* – манипулятором сознательно используется способ определения понятий, при котором определение последующего понятия является простым повторением предыдущего;
- *диффамация* – предание гласности сведений, порочащих кого-либо; может быть коллективная диффамация, направленная на целую группу людей;
- *демагогия* – подтасовка аргументации, фактов, акцентирующих внимание на тех или иных притязаниях, интересах, ожиданиях; этот прием конструируется манипулятором из других приемов;
- *ссылка на «заслуживающий доверие источник»* – в то время как на самом деле такими источниками манипуляторы не обладают;
- *ссылка на авторитеты* – также прием, не являющийся аргументом в формальной логике.

В практике политологов, проводящих или комментирующих мониторинговые исследования, связанные с выборными кампаниями, применяется прием *навешивания ярлыков* на политических оппонентов. Этот прием также находит отклик в массовом сознании и отличается крайней живучестью: как бы ни вел себя впоследствии политик, обыватель всегда будет оценивать его действия через призму сложившегося стереотипа.

В том, по какой методике, в каком режиме, где и среди кого проводится мониторинговое исследование и как комментируются его результаты, заложен еще один прием манипулирования – *двойной стандарт*. Используя этот прием, манипулятор применяет различные критерии при оценке явлений, событий и позиций, участвующих или заинтересованных в них лиц. Таким образом, общество вводится в заблуждение относительно истинной картины, а наиболее «продвинутые» в информационном

отношении его члены, прежде чем делать выводы из той или иной информации, обязательно задумаются над вопросом: «А кто заказал исследование и кто комментирует его результаты?»

Итак, использование мониторинга как технологии, претендующей на объективность результатов, не только оставляет возможность заинтересованного влияния власти на общество, но даже делает данную технологию особенно изощренным инструментом такого влияния. Однако для успешного его использования общество как объект манипуляции должно быть «подготовленным», а манипуляторы, соответственно, должны учитывать факторы, повышающие степень восприимчивости массового сознания к их направленному влиянию.

Пьер Бурдьё отмечал, что манипулятивное воздействие прежде всего базируется на эмоциональном состоянии человека, которое приводит его либо к необоснованному отчуждению решений, исходящих от власти, либо к некритичному их приятию. Психологические основания поведения в условиях низкого уровня культуры общества играют решающую роль в восприятии реалий. Именно на них прежде всего опираются политтехнологи. Они апеллируют к обыденному сознанию, зная его составляющие, такие как: настроения, эмоции, импульсивность, спонтанность реагирования.

Обыденное сознание отличается размытостью, ситуативностью, несистематичностью, противоречивостью, стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений, но, с другой стороны, учитывается, что вырабатываемые здесь стереотипы поведения крайне устойчивы и консервативны. Поэтому подготовка обыденного сознания к различного рода манипуляциям представляется перспективной в плане формирования желаемой для манипулятора ситуации.

Суть обыденного сознания, по мнению многих специалистов, заключается в стремлении решить проблему одним махом, при этом технология решения не рефлексирована. Стратегия поведения, основанная на нем, очень опасна, так как ведет к конфронтации, т. е. к протестному поведению. А оно, в свою очередь, может быть стихийным (как аффективное поведение толпы), основанным на неконтролируемых импульсах, эмоциях, но может быть и сформированным в поддержку каких-либо политических сил. Причем, как показывает практика, и в осознанном поведении также могут проявляться элементы бессознательного.

Специалисты справедливо утверждают, что возможность управлять людьми повышается по мере роста их внушаемости. Причем, с одной стороны общество, желая иллюзий, готово к заблуждению с собственного согласия. С другой стороны, лидеры,

следуя этому желанию, пытаются достичь своих целей. Общество обманывается благодаря себе самому [3]. Лидеры только идут на поводу у народа, ублажая его иллюзиями и обманом, чувствуя своевременность их конкретного содержания. Поэтому общество всегда достойно своих руководителей.

Если общество жаждет самообмана, оно всегда будет глухо к правде: объективная информация не может уменьшить здесь влияния популярной дезинформации. В психологии существует понятие «ореолоэфект», заключающееся в том, что общество присваивает личности политика, руководителя не присущие ему черты. Именно по этим надуманным качествам он и строит свой имидж. Чтобы соответствовать ожиданиям общества, ему нужно только прислушиваться к народу.

Психологи считают, что субъект, осуществляющий воздействие (суггестор), должен обладать следующими качествами: высоким личным авторитетом; высоким социальным статусом или рейтингом как новым качеством статуса, свидетельствующим о популярности, волевым, характерологическим или интеллектуальным превосходством; уверенностью в своей правоте; оптимизмом. Эти качества могут быть не реальным отражением свойств личности, а являться следствием созданного имиджа.

Свойства, которыми обладают наиболее внушаемые субъекты воздействия (суггеренты), – это неуверенность, тревожность, низкая самооценка, впечатлительность, доверчивость, слабость логического анализа. Специальное формирование этих качеств хотя и безнравственно, но часто употребляемо.

Основываясь на этих наблюдениях психологов, не трудно прийти к заключению о том, что можно искусственно создать ситуативные состояния, усиливающие внушаемость. Среди таких состояний, хорошо известных в социальной психологии:

- психические состояния (например, возбуждение толпы);
- повышение степени субъективной значимости событий;
- снижение уровня осведомленности, в том числе обилие разнородной и противоречивой информации;
- неопределенность ситуации (например, увеличение альтернатив приводит к возрастанию психической напряженности и затрудняет возможность прогнозирования и планирования);
- дефицит времени, который приводит к уменьшению возможности глубокого и всестороннего анализа ситуации: броские факты привлекают внимание, но достоверность их не проверена.

Одним из сильнейших факторов, повышающих внушаемость, является ощущение страха. Это ощущение можно спровоцировать искусственно, чтобы добиться возможности

управлять общественным поведением. Однако объективные данные, характеризующие современное состояние общественных настроений, подтверждают, что сама социокультурная среда способствует развитию суггерентных качеств личности.

Негативное социальное настроение, являющееся источником страхов, может формироваться при постоянном несовпадении реального и желаемого, крушении надежд. Это состояние усугубляется отсутствием четкой и ясной концепции реформ, ошибками в их осуществлении, что ставит в тяжелое положение население страны. Слабая защита населения от негативных явлений порождает тревоги, опасения, страхи за будущее, поэтому такого рода настроения могут стать очагами протестного поведения. Именно поэтому они заслуживают пристального внимания.

Социальные страхи проявляются также и в межличностных отношениях: люди боятся выходить вечером на улицу, остаются безучастными к просящим о помощи. Психологи подтверждают, что такое поведение типично для людей астеничных, с нестабильным материальным положением, испытавшим ряд неудач, которые, как следствие, становятся робкими, запуганными, мнительными.

Напротив, позитивная социализация личности, приобретающей уверенность в себе, связывается с умножением межличностных контактов, доминированием диалогических форм общения.

Социально-психологический феномен манипуляции «подпитывается» предрасположенностью масс к заблуждению, которое выражается в получении удовольствия от распространения «жаренных» фактов и лживых слухов. Правдивая информация часто расценивается людьми как скучная и не распространяется среди населения: например, считается неприличным соглашаться с тем, что, даже с учетом невероятно выросших притязаний населения на несоветские стандарты, две трети наших соотечественников живут лучше, чем в перестроечный период.

Разоблачение лжи даже при сообщении таких фактов в средствах массовой информации остается как бы незамеченным. Напротив, лживые слухи, содержание которых наполнено страхом, чудом, необычностью, распространяются очень быстро. Эта нездоровая тяга к необычному и даже шокирующему может привести общество к настоящей трагедии. Если люди испытывают длительную депривацию в отношении новой информации, они начинают желать острых ощущений, что демонстрируют, к примеру, высокие рейтинги соответствующих телепередач. Психологи предупреждают, что этот спонтанный процесс должен быть управляем – иначе он переходит в неконтролируемую агрессию, которой могут воспользоваться те или иные политические лидеры.

Итак, сложившиеся или навязываемые обществу отношения в системе психических воздействий и широкий арсенал средств, с помощью которых эти воздействия реализуются, ставят членов общества в положение манипулируемых. Деструктивность манипулятивного воздействия на личность проявляется в примитивизации адресата, стереотипизации его поведения, нивелировке индивидуальности, возведении в ранг нормы иллюзий и взаимного обмана и другим негативным последствиям. Встает вопрос, как защититься от манипулятивного воздействия?

Наиболее общие рецепты средств, снижающих эффективность воздействия манипуляционных приемов, это подготовленность воспринимающей аудитории: уровень информированности, знание законов логики, общая культура работы с информацией. Во многих работах по психологии даются такие рекомендации защиты от несанкционированного вмешательства как: снижение порогов чувствительности к эмоциональным состояниям; расширение диапазонов привычных сценариев поведения; обучения средствам управления психическим состоянием; усиление культурного потенциала личности, включающего сложность внутреннего мира, богатство смысловых связей, ясность внутренних приоритетов и т. д.

Но действительность такова, что защитные механизмы у населения слабы, а поскольку проблематика, используемая манипуляторами, для него нова, и, следовательно, мнение о ней еще не сложилось, вступают в действие типичные защитные реакции, например, противопоставления прошлого настоящему. Результат этого сравнения усиливает ощущение несправедливости сегодняшнего. Прошлое выполняет при этом роль узнаваемого «справедливого». Этот прием также используется манипуляторами: какие бы данные мониторинг не предоставлял обществу, человек будет выбирать для себя узнаваемое.

Чтобы достичь результативности, манипулятор опирается на ментальность членов общества, бытующие представления. Существенным препятствием для манипулятора является личный опыт человека, не контролируемые властью системы коммуникации: семья, знакомые, интерактивная группа в производственной деятельности. Однако манипулирование при монополии власти в экономической, политической, социокультурной сферах означает обход этих барьеров, поскольку верификационные возможности индивидуального и группового опыта применительно к этим сферам не сравнимы с возможностями власти. В результате версии событий, предложенные властью, рано или поздно приводят к конфронтации и отчуждению общества от власти. Например: провал в экономике и политике может быть объяснен по-разному: некомпетентностью

или коррумпированностью власти, тяжелым наследием, неизбежными трудностями в период реформирования.

Не трудно догадаться, какую из версий выбирает представитель действующей власти, а какую оппозиционер, стремящийся власть получить. В любом случае общество в результате представления мониторинговых данных получает не объективную, а ангажированную заказчиком или комментатором исследования информацию.

Еще один прием, связанный с ментальными характеристиками и часто эксплуатируемый манипуляторами, это пиетет русского человека перед секретностью. Ведомственная закрытость информации, тайна как барьер на пути ее распространения всегда были и остаются средством обретения власти, причем практического смысла утаивание информации может и не иметь. Однако существовавший в России долгое время режим секретности породил глубоко укоренившийся страх и нежелание делиться информацией; следствием этого явилась боязнь информационного обмена. Поэтому намек на эксклюзивность источника информации открывает ее транслятору путь к доверчивому сознанию обывателя. С другой стороны, для манипулятора возведение информации в особый ранг секретности, запретности для широкого доступа является легальным способом утаивания важных для общества фактов, в том числе полученных в результате проведения мониторинговых исследований.

Осознанное отношение к возможному манипулированию информацией подвигает граждан к выбору определенных сценариев поведения [11]:

- граждане имеют неполную информацию;
- граждане знают, что имеют неполную информацию;
- граждане считают, что им дорого обходится или требование дополнительной информации, или получение доступа к ней;
- граждане считают, что ожидаемые выгоды из дополнительной информации будут менее ценными, чем плата за нее.

В любом случае личность, вовлеченная в информационную среду, должна контролировать собственное поведение в ней. В этом человеку может в первую очередь помочь собственная информационная культура, которая прежде всего проявляется в способности оценивать поступающие сообщения. Можно выделить ряд параметров, помогающих оценить их качество.

Важнейшим параметром оценки информации является ее источник, например: в российском информационном поле есть ряд организаций, заслуживших авторитет беспристрастных исследователей не только внутри страны, но и за рубежом, к числу которых относят ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и некоторые другие.

Другой параметр – это достоверность информации, которая гарантируется не только маркой представляющего ее учреждения, но, в гораздо большей степени научными методиками, с помощью которых эта информация собиралась (репрезентативность выборки при опросе населения, выбор индикаторов наблюдения, разработанность шкал мерности и т. п.). В этой связи уместно отметить, что в России многие учреждения, занимающиеся мониторингом социальной среды, осуществляют их по нормам международного кодекса проведения социологических и маркетинговых исследований, принятых Международной ассоциацией исследователей общественного мнения (*WAPOR*) и Европейским обществом исследователей общественного мнения и маркетинга (*ESOMAR*), что служит гарантией надежности методик сбора, обработки и анализа данных.

Каким бы авторитетом ни пользовался источник информации, для повышения ее достоверности применяется прием, перенятый у спецслужб: информацию, особенно, если она носит стратегическое значение для человека, перепроверяют по другим источникам и сравнивают результаты проверки. И это еще один пример, по которому оценивается ее качество.

Оценивая представляемые фактические сведения о событиях и явлениях общественной жизни, важно принимать во внимание и параметр взаимосвязи их содержания с местом и временем получения этих сведений, а также с социокультурными характеристиками опрошенных.

Общее пожелание психологов связано с тем, что в соответствии с параметром сохранения собственного психологического состояния человек должен уметь отсеивать негативную информацию и останавливаться на позитивной.

Наконец, человек, обладающий, информационной культурой, должен использовать параметр различения фактов, полученных, например, в ходе мониторинга, и их комментариев, так как именно комментарии открывают широкое поле деятельности различным манипуляторам.

Кроме способности оценивать информацию, информационная культура личности подразумевает, что человек должен знать об основных информационных процессах (сбор, обработка, анализ информации), иметь представление о приемах и механизмах манипуляции. Например, не поддаваться на обсуждение незначимых тем, представляя себе, что такие навязанные властью дискуссии являются отвлекающими действиями, прикрывающими подготовку каких-либо грядущих непопулярных акций.

Важной защитной мерой от манипулятивного воздействия является собственное информационное поведение человека. Исследователи считают, что оно может быть оценено по следующим параметрам:

- уровень контактов со средой: благоприятно влияют на информационное поведение человека такие характеристики, как открытость, интенсивность, осознанность восприятия информации;
- формирование ценностных установок: привычка к анализу информационного поведения, доверие к проверенным источникам, понимание, что достоверность информации увеличивается в результате обращения к альтернативным источникам;
- и главное, что характеризует позитивное информационное поведение личности, – это желание быть информированным.

Информационная компетентность личности не только включается в информационную культуру общества, но, в свою очередь, общество является средой, в которой формируется такая компетентность.

Общество характеризуется своей информационной культурой, т. е. определенными способами и уровнем информационного развития, выраженными в нормах, ценностях, традициях информационной активности. Информационная среда, которая существует в обществе, может быть благоприятной и агрессивной по отношению к личности. При всех недостатках демократических режимов, связанных, в частности с неконтролируемыми потоками информации, представляемой членами общества, в целом условия для развития информационной компетентности личности при них более комфортны, чем в тоталитарных и авторитарных. Общество, гарантирующее право свободного получения информации и ее равнодоступность для всех членов, заведомо обеспечивает условия для адекватной информированности граждан. Такое общество более терпимо к разнообразию информационных предпочтений людей, и, следовательно, в нем создаются более благоприятные условия для формирования качеств личности, независимой от произвола властей, ориентированной на активную жизненную позицию, более успешно адаптирующуюся в социокультурном пространстве. Таким образом, развивая информационную культуру, общество формирует более зрелую позицию в диалоге с властью.

Итак, успешная адаптация личности в социокультурном пространстве – путь к преодолению опасности манипулятивного воздействия власти на общество. Но социализация личности терминируется состоянием общества. Вряд ли можно говорить о ее успешности в обществе, не способном защитить своих членов от социальных страхов, неуверенности в будущем, где мониторинговые исследования диагностируют недоверие к власти и заниженные самооценки собственных возможностей людей.

В настоящее время в российской экономической и политической системе, где бок о бок существуют элементы старого и нового порядка, нередко образуя причудливые сочетания, общество еще в очень малой степени озабочено защитой отдельной личности от манипуляций власти. По мнению наблюдателей, современное российское общество характеризует утомление, недоверие к власти и, как следствие, индифферентное поведение. Справедливости ради следует отметить, что европейское общество тоже индифферентно. Но если в странах устойчивой демократии политическая индифферентность общественности может восприниматься как показатель удовлетворенности в целом существующим положением, то в сегодняшней России такая индифферентность отражает общее разочарование общества и его недоверие властям.

Парадокс заключается в том, что национальная усталость, которая копилась веками и которую фиксируют все исследователи российского общества, ведет к покорности и к поиску защитника в лице той же власти: отсюда распространенность настроения: «хорошо бы пришла сильная власть...». В этом контексте проблема защиты общества от манипулятивного воздействия власти заключается в установлении диалога власти с обществом. Если стороны диалога будут способны воспринять действительность без предубежденности и идеологической ангажированности, то это неизбежно приведет к демифологизации: развенчанию мифов, которые придумывает власть об обществе и, соответственно, общество о власти. Власть – о том, что русский народ богом избранный и претендующий на мессианскую роль в мировой истории, если только будет беспрекословно подчиняться самодержавному государству, или, наоборот: народ – подросток, не отвечающий за себя и нуждающийся в полной опеке. А общество, сохраняя инерцию традиционализма, – в представлении о сакральных началах власти. Российскому обществу и власти следовало бы научиться воспринимать друг друга в реальности. Только это может способствовать установлению их взаимного диалога, который минимизировал бы возможности и манипулирования обществом.

Список использованной литературы

1. *Астафьев Я.У.* Катастрофическое сознание и массовые коммуникации: к постановке проблемы // Страхи и тревоги россиян: Сб. ст. – СПб., 2004. – С. 170 – 210.
2. *Бессонов Б.Н.* Духовное подавление личности. – М., 1971. – 295 с.

3. *Гарифуллин Р. Р.* Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция: Психология обмана, манипуляций, кодирования: Монография. – Казань, 1997. – 404 с.
4. *Доценко Е.А.* Психология манипуляции: феномены, механизм и защита. – М.: ТОО «ЧеРо», 1997. – 342 с.
5. *Лимнатис Н.Г.* Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. – М.: Экон. демократия, 2000. – 216 с.
6. *Панкратов В.Н.* Манипуляции в общении и их нейтрализация. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000.– 201 с.
7. *Сладкова О.Б.* Мониторинг в социокультурном диалоге «Власть-Общество». – М.: Изд. дом МГУКИ, 2005. – 223 с.
8. *Сладкова О.Б.* Использование информационного мониторинга для манипуляции общественным сознанием // Вестник МГУКИ. – 2005. – Вып. 2. – С. 127 – 136.
9. *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций: секреты воздействия управляющего сознания. – СПб.: Прайм-Еврознак: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.– 445 с.
10. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием: Пер. с англ./ Под науч. Ред. Я.Н. Засурского. –М.: Мысль, 1980. – 326 с.
11. Goodin R.E. Manipulatory politics. – L., 1980. –250 p.